

Моск. новости.

Р И И

«МН» № 15, 12 апреля 1992 г.

с. 8.

ОН ОДИН. ВСЕ ТОНЕТ

Разговор с Эльдаром Рязановым
по окончании телецикла «Восемь
девок — один я»

В последнее время все больше разговоров о телекризисе. Наверное, потому, что его приметы очевиднее. Если за один вечер 23 марта в трех разных передачах «Новой студии» нам рассказывают с небольшими вариациями об одном и том же коммунистическом митинге, который мы до этого уже видели во всех информационных программах, — понятно, что с идеями в АТВ туговато. Но на этом унылом фоне, все разнообразие которого укладывается в электронное мельтешение экрана, и любая удача заметна сразу. Например, программа независимой компании Рен-ТВ «Восемь девок — один я», получившая самый высокий рейтинг у критиков. По-моему, так произошло потому, что это был тот редкий случай, когда интервьюер — Эльдар Рязанов — был не менее интересен своим собеседникам, чем они ему. Он пришел к ним с желанием узнать, как, с каким настроением они сейчас живут. И вскоре стало понятно, что это для Рязанова очень лично. Поэтому я задала ему тот же вопрос, что и он своим героям:

— Эльдар Александрович, что же сегодня происходит в вашей жизни? Показалось, что вам как-то уж очень неуютно.

— Ощущение у вас правильное. Происходит невероятное раздвоение личности. Вроде бы у меня лично все нормально: вышел фильм «Небеса обетованные» и по нынешним временам идет он более-менее успешно, в «Юности» опубликована моя повесть, и я уже пишу по ней сценарий для нового фильма. Но радоваться почему-то не получается. Мне кажется, что все тонет. Огромное количество людей моего поколения выбросило время. Разваливается большое государство, в котором я привык жить...

— Неужели у вас какие-то имперские амбиции?

— Да нет. Я всегда с завистью смотрел на Европу, где много благополучных маленьких государств. В конце концов в них легче наводить порядок. Но тем не менее я не могу легко расстаться с Малаховым курганом, с Севастополем. Понимаю: рухнула коммунистическая идеология, которая ежовыми рукавицами держала эту империю. В определенном смысле национальные идеи сегодня заменяют отсутствие каких бы то ни было идей вообще.

— Значит, пришла совсем не та свобода, которую вы, как и многие наши интеллигенты, так страстно желали?

— Знаете, мне всегда казалось, что свобода — это самое главное и дорогое. Об этом я снимал кино, писал и говорил. Но вот Литва стала свободной, а ее искусство умерло. Закрыта литовская киностудия и киргизская тоже. Ведь это за счет российского зрителя были огромные тиражи картин, которые давали деньги. И целые отрасли науки тоже закрываются. У меня впервые в жизни возник вопрос, который не возникал никогда: а стоит ли всего этого свобода? Стоит ли она того, чтобы в конце концов остаться глупыми, нищими, озлобленными. Перед тем, как встретиться с вами, я объездил семь магазинов, чтобы купить кефир и творог. Я настоялся в очередях и вконец изморожен.

— Неужели даже вы не можете себе позволить не стоять в очередях и покупать на рынке?

— К сожалению, нет. Я всегда считал себя вполне состоятельным: Не богатым. Но у меня есть прекрасная дача, квартира, машина, цветной телевизор и даже видеоманитовон — всего этого раньше было более чем достаточно, чтобы считать себя в полном порядке. Я вовсе не жалуясь. Но сегодня я бы не мог себе позволить приобрести ничего из вышеперечисленного. А мои восемь героинь — это «звезды» нашего кино, а они вынуждены без конца ездить по концертам, чтобы как-то жить.

— Поэтому почти каждую из своих героинь вы спрашивали, жа-

леет ли она о прошлом?

Вы жалеете?

— Нет, наверное. Хотя вдруг оказалось, что когда ты был зажат армией, КГБ, железным занавесом, жить было легче. Не в том смысле, что относительно все было в магазинах. Просто были ясность и однозначность. Я знал, против кого выступать и за что бороться.

— Не считаете ли вы, что нынешний кризис искусства как раз и связан с тем, что художник перестал ясно понимать время?

— Художнику нужно не столько логическое понимание, сколько интуиция, ощущение времени. Все это происходящее вокруг безумие — это и есть мое ощущение времени. Сегодня наступила расплата: и за прежнюю однозначность, и за грехи большевиков и царского правительства. Расплачиваются все: и кто виноват, и кто вроде бы ни при чем. Понимаете, с точки зрения живущих, все времена жестоки. Америка начала века тоже была безумна. И я выше всех ценю Чаплина, который так много сделал для смягчения нравов.

— Под Новый год я снова с удовольствием посмотрела «Иронию судьбы».

— Я понимаю. Потому что этот фильм о любви, которая спасла от бездушной, страшной и унылой жизни. Сейчас не случайна такая тяга к библейским, вечным ценностям. В «Иронии судьбы» любопытны приметы времени: свободные такси, то, что можно было пойти в кассу, купить билет, а потом его выбросить. Теперь я не выбрасываю даже старого носка — жена штопает. И как теперь историю любви поместить в этот сумасшедший быт, где влюбленные должны пробираться сквозь перестрелку рэкетиров с милицией?

— Наверное, для современной «Иронии судьбы» нужен совсем другой кинематографический язык. На кого из молодых коллег вы возлагаете надежды?

— Новые плеяды в искусстве всегда появлялись во времена крупных социальных сдвигов. Так было сразу после революции, после XX съезда. А сейчас почему-то никто не пришел. Никто не отодвинул Панфилова, Соловьева, Говорухина... Я не могу понять, в чем дело. И старые «звезды» блекнут...

— Почему же, как думаете, зрители выделили эти ваши передачи?

— Потому что они о дружбе, о сочувствии. Они об очень популярных актрисах, которым дано в жизни многое. Но у пятерых из них нет элементарного бабского счастья. И это, и состояние растерянности, тревоги за будущее делают их очень близкими, каждому зрителю. И еще, при всех неурядицах каждая из моих «девок» держится. Все вроде бы тонет, а никто из них не потонул.

Елена ЧЕКАЛОВА

263